

Раз за разом мы читаем и в Евангелии, и в Ветхом Завете о чудесах и, поистине, можем видеть их на протяжении веков в жизни Церкви: чудеса исцеления, чудеса обновления человеческой жизни силой Божией. И иногда люди – все мы – задаем себе вопрос: что такое чудо?

Означает ли оно, что в момент его Бог насилует собственное творение, нарушает его законы, ломает что-то, Им Самим вызванное к жизни? Нет: если так, то это было бы магическим действием, это значило бы, что Бог сломил непослушное, подчинил силой то, что слабо по сравнению с Ним, Который силен.

Чудо – нечто совершенно иное; чудо – это момент, когда восстанавливается гармония, нарушенная человеческим грехом. Это может быть вспышка на мгновение, это может быть начало целой новой жизни: жизни гармонии между Богом и человеком, гармонии тварного мира со своим Творцом.

В чуде восстанавливается то, что должно быть всегда; чудо не означает что-то неслыханное, неестественное, противное природе вещей, но наоборот, такое мгновение, когда Бог вступает в Свое творение и бывает им принят. И когда Он принят, Он может действовать в Своем творении свободно, державно.

Пример такого чуда мы видим в рассказе о том, что случилось в Кане Галилейской, когда Матерь Божия обратилась ко Христу и на этом убогом сельском празднике сказала Ему: «У них вино кончилось!..» Сердца людей еще жаждали человеческой радости, а вещество радости иссякло. И Христос обращается к Ней: «Что между Мной и Тобой, почему Ты Мне говоришь это?..» И Она не отвечает Ему прямо; Она обращается к слугам и говорит: «Что бы Он ни сказал – то сделайте...» Она отзывается на вопрос Христов действием совершенной веры; Она неограниченно верит в Его мудрость и в Его любовь, и в Его Божественность. В это мгновение, потому что вера одного человека распахнула дверь для всякого, кто выполнит то, что ему сказано, Царство Божие водворяется, в мир вступает новое измерение вечности и бездонной глубины, и то, что было иначе невозможно, становится реальностью.

Здесь мы поставлены перед лицом тех необходимых условий, которые делают возможной эту восстановленную гармонию. Прежде всего, должна быть нужда, нужда реальная; не обязательно трагическая, она может быть и незатейливой, но она должна быть подлинной.

Радость и горе, болезнь и подавленность в равной мере нуждаются быть приведенными в нечто большее, чем земля, в нечто такое же простое и глубокое, как Божественная любовь и Божественная гармония.

Должна быть также беспомощность: пока мы думаем, что мы можем что-то сделать сами, мы не даем

Слово пастыря

Он должен что-то сделать, чтобы спасти Свою честь...

Да, пока мы воображаем себя хоть отчасти хозяевами положения, пока мы говорим: «Я сам, – Ты только немножко помоги», – мы не получим помощи, потому что эта помощь должна разметать все человеческие ухищрения.

И следующее – это Божественное сострадание, о котором мы слышим так часто в Евангелии: «милосердова Господь»... Христос страдает, Христос жалеет, и это значит, что Он посмотрел на этих людей, которые в нужде, которые ничем не могут облегчить свою нужду, и испытал боль в Своем Божественном сердце о том, что вот люди, чья жизнь должна быть полнотой и торжествующей радостью – а они измучены нуждой. Иногда это голод, иногда – болезнь, иногда – грех, смерть, одиночество: что угодно.

Но Божия любовь может быть только или ликующей, торжествующей радостью – или распинающей болью.

И вот, когда соприсутствуют все эти элементы, тогда устанавливается таинственная гармония между Божией скорбью и человеческой нуждой, человеческой беспомощностью и Божией силой, любовью Божией, которая выражается во всем: и в великом, и в малом.

Поэтому научимся такой чистоте сердца, такой чистоте ума, которая сделает нас способными обращаться к Богу с нашей нуждой, не пряча от Него своего лица: или, если мы недостойны приступить к Нему, то приступим, припадая земно к Его ногам, и скажем: «Господи! Я недостойн, я недостойна! Я недостойн стоять перед Тобой, я недостойн Твоей любви, недостойн Твоего милосердия, но вместе с этим я знаю Твою любовь еще больше, чем я знаю свое недостойнство; и вот, я прихожу к Тебе, потому что Ты – любовь и победа, потому что в жизни и в смерти Твоего Единородного Сына Ты явил мне, как дорого Ты меня ценишь: цена мне – вся Его жизнь, все страдание, вся смерть, сошествие во ад и ужас его, ради того, чтобы я только был спасен...»

Станем же учиться этой творческой беспомощности, которая заключается в том, чтобы оставить всякую надежду на человеческую победу ради уверенного знания, что Бог может то, чего мы не можем.

Пусть наша беспомощность будет прозрачностью, гибкостью, всецелым вниманием – и вручением Богу наших нужд; нужды в вечной жизни, но и незатейливых нужд нашей человеческой хрупкости: нужды в поддержке, нужды в утешении, нужды в милости.

И всегда Бог ответит: если хоть немножко можешь поверить, то все возможно. Аминь.

Митрополит Антоний Сурожский

преодолевать себя и класть поклоны.

Как выработать постоянство в делании духовном? Бывает, неделю проживешь духовно внимательно, молитвенно, а на следующую чувствуешь тяготу, тело хочет раскрепоститься, становится как-то тягостно, от этого мысли

приходят непотребные и тому подобное... места себе не находишь. Что делать?

Если ум и чувства отключены от молитвенных слов, то надо напрягать волю и не оставлять молитву. Господь примет усилия и труды как внимательность в молитве.

Приближается день получения зарплаты, но есть небольшие сомнения в правильности моих действий. Как Вы посоветуете поступать с десятиной?

Ветхозаветная десятина как обязательный налог отменена. Господь сказал: «Милости хочу, а не жертвы». Поэтому поступайте согласно своей совести и возможности. А если вы дали обет десятины, то следует поговорить об этом с духовником на исповеди, и предоставить его усмотрению.

Признавалась ли крещение у ариан, если многих не перекрещивали в Православие в Древней Церкви?

Практика принятия их ереси в православие не всегда решалась одинаково. Наиболее авторитетные указания в этом отношении имеются в правилах 2 Вселенского собора. Но в некоторых случаях они корректировались местными обстоятельствами. Ариан крестили во имя Святой Троицы, но в учении о Самой Святой Троице полагали неравенство ипостасей. Если вам окажется необходимым знать практику принятия в православие из современных сект и ересей, то лучше обратиться к местному епископу за указаниями.

Архимандрит Рафаил (Карелин)

«Задумайтесь, братья и сестры, что не избавят вас от болезней колдуны и ворожеи, но только совершите большой и тяжкий грех. Если Бога оставляя, к бесам идете, то какую милость примете от Него и как Его призовете в молитвах? Зачем душу свою губите, и что Богу будете отвечать, если из-за болезни, оставив Бога, к волхвам идете? Как будете в церкви стоять, как причастие примете, как поучения будете слушать?

Как торговцы невольниками, предлагая малым детям пирожки, сладкие фрукты и тому подобное, часто уловляют их такими приманками и лишают свободы и даже самой жизни, так точно и чародеи, обещав вылечить болезнь, лишают человека спасения души.

Если и имя Святой Троицы призывают на таковых действиях, если будет призывание святых, если и знамение крестное наводится, бежать подобает таковых и отвращаться.

Ты верная? Перекрестись; скажи: вот единственное мое оружие, другого не знаю... Вот я объявляю и предупреждаю всех вас: не буду более щадить, если о ком-нибудь узнаю, что он делал... заклинание или другое что, относящееся к этому искусству. Что же, говорит, умереть дитяти? Когда оно станет жить от этих средств, тогда оно умерло; а когда умрет без них, тогда ожило... разве ты не слышала, что сказал Христос: погубивый душу свою, обрящет ю, а обретый погубит ю (Матф. 10, 39). Веришь ты сказанному или оно кажется тебе басней?.. Бог дал врачей и лекарства. Но что же, если они не помогают, а дитя отходит? Куда отходит, скажи мне, бедный и несчастный ты? К демону, что ли, отходит? К тирану какому-нибудь отходит? Не на небо ли отходит? Не к Господу ли своему? О чем же ты скорбишь? О чем плачешь? О чем сокрушаешься? Зачем ты любишь дитя больше Господа своего? Не Он ли даровал тебе дитя? Зачем же ты столь неблагодарен, что дар любишь более, чем даровавшего?» (Свт. Иоанн Златоуст, ок. 347-407).

«Магия «черная» – это магия откровенного зла, магия, при помощи которой целенаправленно творится зло и причиняется вред людям – болезни, ущерб, гибель. «Белая» магия – зло, замаскированное под личиной добра. Но и в той, и в другой действуют одни и те же силы. В черной магии демон являет свое собственное лицо, а в белой, по слову апостола Павла, принимает вид Ангела света (2 Кор. 11, 14)» (Архимандрит Рафаил (Карелин), род. в 1931).

«О магнетизме, когда спрашивали меня, употреблять ли, отвечал и я, что христианам даны высшие и вернейшие силы, вера и молитва, а, следовательно, пускаться в низший путь, ощупью пролагаемый своемыслием человеческим, есть упадок» (Свт. Филарет, митрополит Московский, 1783-1867).

«Многие «бабки», целители и целительницы прячутся за имя Божие и святые лики, обставляются иконами (что хорошо видно из их рекламных объявлений), говорят, что молятся, веруют, увещивают себя крестами, а на самом деле являются служителями сатаны, только в овечьей шкуре... Церковь и больница – вот два места, куда благословляется обращаться больным» (Протоиерей Сергей Филимонов, род. в 1965).

Новости Православия

19.07.2014. Грузинская Церковь подписала с государством договор по культурному наследию. Меморандум о сотрудничестве по вопросам охраны и ухода за культурным наследием, находящимся во владении Церкви, был оформлен между министерством культуры и охраны памятников Грузии и Грузинской Апостольской Автокефальной Православной Церковью, сообщает «Новости-Грузия».

22.07.2014. Институт православной мысли и культуры создан в Пенсильвании. Христианский Восточный университет (Eastern University), расположенный около Филадельфии (штат Пенсильвания, США) и группа клириков, мирян и православных ученых объявили о создании при университете Института православной мысли и культуры, сообщает Седмица.Ru.

23.07.2014. В Молдове отменены понятия «мать» и «отец». Христианские ценности более не являются традиционными в Молдове благодаря законопроекту, разработанному руководством Демпартии, и утвержденному в парламенте, сообщает argumenti.md. Согласно законопроекту № 180, принятому в первом чтении, понятия «мать» и «отец» не должны иметь определенного до сих пор полового признака. В этой связи, министр труда, социальной защиты и семьи Валентина Булига инициировала изменение Закона об охране здоровья. Как указано в законопроекте, существующая формулировка «мать (отец)» заменяется формулировкой «один из родителей». Документ был принят «в соответствии с Национальной Программой по обеспечению гендерного равенства на 2010-2015 г. и планом действий по ее внедрению на 2013-2015 гг.».

23.07.2014. Триста икон изъяты у подозреваемого в ограблении храмов в Костромской области. Полиция возбудила уголовное дело в отношении 33-летнего мужчины, который подозревается в кражах икон и церковной утвари из храмов Костромской области, сообщает «Интерфакс-Религия». Подозреваемому инкриминируют три кражи дорогостоящих икон из церквей, проводится проверка его причастности еще к 11 кражам. Преступник был задержан в ходе совершения очередной кражи в храме села Неверово Костромской области.

Вопросы священнику

Как бороться со страстью чревоугодия на Светлой седмице, когда нельзя поститься?

Советую вам достать 2 том Добротолюбия и прочитать о методах борьбы с бесом чревоугодия, о его хитростях и обманах. Слово «поститься» в древнее время включало в себе еще другой смысл, а именно каяться, сетовать о грехах, печалиться о своем духовном падении. Конечно, такие чувства более уместны в Великом посту, чем на Светлой седмице, хотя, если мы погрешим на Пасху, то и тогда должны каяться и оплакивать свой грех. В посты Церковь благословляет не есть скоромную пищу, кроме исключительных случаев, или тяжелой болезни, когда нужен определенный вид скоромной пищи (больному вовсе не разрешается есть все, что попало под предлогом болезни). А на Светлую седмицу Церковь дает разрешение на скоромную пищу, но никого не заставляет насильно есть ее, тем более в большом количестве. Главное на Пасхальной седмице это духовная радость. Святой Григорий Богослов иронически упрекал тех, кто под предлогом праздника объедались и приносили в храм вместо молитвы отрыжку. Уже древние мудрецы сказали: «Надо есть для того, чтобы жить, а не жить для того, чтобы есть», остальное вы узнаете в Добротолюбии. Могу дать вам еще маленький совет: старайтесь есть медленно, подольше удерживая пищу во рту, тогда скорее наступают насыщение.

Часто бывает трудно молиться, встаешь на молитву, берешь четки в руки, а на душе так тяжело, как будто камень в груди, и так и садишься. Что делать и не знаю...

Надо сесть и молиться сидя, если такое состояние от утомления или нездоровья. А если от бесов, то

«*Небесный огонь*»
и другие рассказы
Олеси Николаевой

Продолжение. Начало в № 20 (256)

О встрече с владыкой мы даже и не смели мечтать – ведь тогда еще был «железный занавес», а владыка жил в Лондоне, и мы знали, что даже его приезды в Россию – проблематичны.

Как и наш друг-иеродиакон, наш духовник жил тогда в Лавре, и мы ездили к нему очень часто – иногда раз в неделю, иногда и чаще. Он назначал нам встречу возле проходной в монастырь, а потом проводил в какой-нибудь тихий закуток или же в храм, где в это время не было службы, и там мы исповедовались или просто беседовали.

Я в ту пору переводила стихи грузинских поэтов, вот и уехала в очередной раз в командировку в Грузию. А мой муж отправился в Лавру, чтобы чуть свет поисповедоваться у нашего духовника и причаститься. Они должны были встретиться, как обычно, у проходной.

Это было 10 февраля 1983 года. Мороз лютовал, и муж мой, как-то по-студенчески легкомысленно одетый в джинсы и куртку, пока добирался на электричке до Лавры, уже успел замерзнуть.

В назначенный час он встал около проходной, ожидая, что вот-вот появится наш духовник. Но прошло десять минут, пятнадцать, а он все не показывался. Тогда мой муж, совсем заиндевев, стал просить монахов, входящих в монастырь, позвать ему нашего духовника, объясняя, что тот сам назначил ему это время. Но прошло еще пять минут, еще десять, а никто не появлялся. Мой муж, переминаясь с ноги на ногу и зябко ежась, почувствовал, как нечто вроде обиды кольнуло его в сердце, неприятное волнение кольхнулось в груди: может, наш духовник назначил час и сам забыл? Сидит в тепле и молится, воспаряя умом горе и не помня ни о чем земном? А вот-вот литургия начнется, как же ему причащаться без исповеди? Конечно, он успел бы еще поисповедоваться в надвратной церкви у другого священника, но вдруг – только он уйдет, как из проходной появится наш духовник в епитрахили, в поручах, с крестом и Евангелием в руках?

Поэтому он попытался отогнать все эти накинувшиеся на него разноречивые мысли как искусительные и стал еще сильнее переминаясь с ноги на ногу, с тревогой отмечая то, что ступни его уже вроде как и не чувствуют себя самих, деревянные стали, непослушные.

Меж тем пробили часы на колокольне, началась литургия, а духовник все не шел. Не шел, а моему уже оцепеневшему от холода мужу казалось, что он вот-вот возникнет перед ним: ему было жалко, что он напрасно простоял здесь так долго, и ему хотелось, чтобы это напрасное ожидание было все таки вознаграждено появлением духовника хотя бы за проявленную верность. Однако еще через некоторое время мой муж понял, что теперь ему и в надвратном храме исповедоваться уже поздно, и причастие, к которому он так старательно готовился, откладывается.

Он еще постоял под пыткой морозного ледяного ветра для укрепления чувства верности и в конце концов с сердцем, переполненным досадой, горечью и даже обидой, сдался, решив пойти немного погреться в храм Святой Троицы, к преподобному Сергию. А кроме того, он хотел помолиться, чтобы преподобный Сергий, и ныне и присно пребывающий игуменом своего монастыря, как-нибудь напомнил своему молитвенному насельнику кое о каких его земных договоренностях.

И вот пришел он в этот чудесный храм, приложился к мощам и, спустившись по ступеньке, так и остался стоять возле них. Людей было мало, священник тихим мерным голосом читал акафист преподобному, и несколько бабулек надтреснутыми голосами подтягивали: «радуйся... радуйся...». Мой муж приложился к раке и пристроился в углу, опершись на стасидий. В храме было тепло и чудесно...

Постепенно там стали появляться семинаристы, устремлявшиеся приложиться к преподобному перед началом занятий, потом сразу начался приток народа, который, впрочем, скоро и иссяк – по-видимому, кончилась литургия

и блаженные причастники пришли поклониться игумену-чудотворцу.

Итак, храм постепенно почти совсем опустел – день был будний, погода – неблагоприятной для паломника, и, пригревшись, мой муж в полутьме, освещаемой огоньками разноцветных лампадок, слился со словами акафиста.

Вдруг на пороге храма появился невысокий – даже маленький, как показалось моему высокому мужу, монах – старичок с седой бородой. Держался он очень прямо и сразу прошел к раке с мощами.

Священник, чуть задерживая чтение, поднялся на солею, открыл ключиком раку с мощами и у старичка-монаха, не имевшего на себе никаких знаков своего сана, попросил благословения. Увидев, что священник просит у этого старчика благословение, бабульки вытянулись в очередь и тоже стали протягивать ему свои крестообразно сложенные руки.

Мой муж, наблюдавший это из своего угла, подумал, что все-таки такое испрашивание благословения неизвестно у кого напоминает ему некий магический обряд: и ты не ведаешь, кто тебя благословляет, и он не знает, что у тебя на душе... Короче говоря, он решил даже и не приближаться к этому седому старичку в скуфье.

Меж тем тот уже направился к выходу, прошел мимо моего мужа и даже глянул в его сторону: он был единственным, оставшимся без благословения, но мой муж опустил глаза. И вдруг он уловил, как одна из бабулек, отвечая на вопрос другой, прошелестела что то такое: «из Англии...»

Тут мой муж встрепенулся – из Англии? Что, может ли такое быть, чтобы здесь и сейчас оказался владыка Антоний? Он об этом ничего не слышал, да к тому же этот маленький седой старичок с прямой спиной вовсе и не похож на того осанистого млажавого владыку из календаря... Тем не менее он понял, что если это и в самом деле владыка Антоний, его любимый владыка, он никогда себе не простит, что был рядом с ним и не попросил у него благословения. Поэтому он ринулся следом за ним.

Владыка уже был в дверях, и мой муж от волнения с некой неожиданной для него самого дерзостью крикнул ему:

– Подождите!

Старик в скуфье остановился и повернулся, с удивлением глядя на этого странного молодого человека.

Тут мой муж снова засомневался – такой маленький, седенький, а где же его властность? Где сила? Где энергия? И наконец – где панайга? Лишь какой то особенный блеск в глазах этого все еще неизвестного монаха мог свидетельствовать в пользу того, что это все же сам митрополит Антоний...

Запнувшись, он вдруг спросил обескураженно и еще более дерзко:

– Как вас зовут?

– Антоний, – спокойно ответил старчик. – А вас?

– Владимир, – ответил мой муж и тут же склонился, прося благословения.

Но владыка Антоний даже и не посмотрел на его протянутые руки. Он поднял свои, взял этого дерзкого, и растерянного, и смущенного, и пылающего от стыда молодого человека за щеки или даже за уши, притянул его лицо книзу так, чтобы до него достать, и трижды его расцеловал.

И тут мой муж – надо сказать, что он человек совсем не сентиментальный и отнюдь не склонный к внешнему выражению даже сильных чувств, а тем паче – посредством слез, ощутил такое радостное волнение, что у него на глаза навернулись слезы, и он в волнении пролепетал:

– Владыка, мы вас так любим, вы так много сделали для моей семьи и лично для меня, мы слушаем ваши лекции, записанные на магнитофон, как это важно для нас, какое счастье, владыка!

– Владимир, будем друг за друга молиться! – просяяв лицом, сказал владыка. – Будем теперь молиться друг за друга всегда!

– А мы когданибудь еще увидимся?

– Обязательно увидимся! – пообещал владыка.

– И сможем поговорить?

– Обязательно сможем!

Мой муж вышел на улицу и, не чувствуя холода, пошел к проходной. Душа его ликовала. Вот, думал он, как бывает, претерпит человек какую-нибудь скорбь, а Господь его так

утешит, что сама эта скорбь вменится ни во что...

И он, теперь уже желая поделиться своей радостью с нашим духовником, который тоже очень почитал владыку Антония, попросил какого-то монаха, собирающегося нырнуть в проходную, позвать нашего батюшку.

– Так он болен. Лежит в постели, температура у него под сорок. Грипп, наверное. Как его позовешь?

Вечером (разница с Москвой два часа) у меня в Тбилиси раздался звонок.

– Знаешь, кого я сегодня видел в Лавре и кто меня благословил? – воодушевленно спросил мой муж.

– Знаю, ты видел нашего духовника.

– Нет, он очень болен – помолись... А кого я очень, очень хотел увидеть, но даже и не смел мечтать...

– Владыку Антония? – спросила я, чувствуя, что у меня перехватывает от счастья горло.

– Да! Завтра он служит всенощную на Трех святителей, послезавтра литургию, и я опять его увижу!

Я заплакала. Это было настоящее чудо, милость Божия! Почему-то тогда казалось, что Господь укрепляет нас таким образом перед грядущими гонениями: был, помню, 1983 год, самое начало. И все духовные радости воспринимались и преумножались ввиду этих будущих бедствий.

Даже в 1986-м году, как бы сейчас это ни казалось странным, монахи, в том числе и лаврские, готовились к большим скорбям – тогда то ли в «Комсомолке», то ли в «Известиях» на первой полосе вышел махровый атеистический фельетон, и черноризцы – и молодые, и зрелые, и пожилые – готовились, в случае чего, уходить в леса, заучивали наизусть Евангелие и богослужебные тексты, а иные – из старых лагерников – так даже начали сушить сухари.

Приехав в Лавру, можно было увидеть старенького согбенного иеродиакона Филадельфа, который, опершись на руку молодого иеромонаха Порфирия, шел из монастыря в храм:

– Как поживаете, отец Филадельф?

– Сухари сушим. Газету-то читала? Опять начинается...

Или старый лагерник, архимандрит Зосима, которому энкавэдешники выбили глаз и на много лет заключили в лагерь на Соловках, теперь, когда я подходила к нему под благословение, грустно качал головой:

– Да-да, недобрые времена грядут... Статью-то видела?

Это про него рассказывали, что когда он попал с гриппом в монастырский лазарет и у него брала кровь молоденькая медичка, она тяжело вздыхала:

– Что это кровь-то у вас совсем не течет, дедушка?

– Так большевички всю выпили, деточка, большевички! – отвечал он.

Но вернусь к моему рассказу. Действительно, мой муж пошел тогда и на всенощную, и на литургию, и подходил к владыке на елеопомазании, и причащался у него, и целовал крест. И владыка каждый раз ему, называя по имени: «Владимир», что то говорил – два-три слова. Но вот именно что поговорить с ним, спросить и услышать ответ, тогда не удалось.

И вот наступают новые времена, 1988 год. Митрополит Антоний приезжает в Москву и приглашает нас к себе в гостиницу «Украина».

Ликуя и робея мы вошли в его номер. И хотя я видела его впервые, у меня было такое ощущение, что я так давно знаю этого человека, и так давно его люблю, и он настолько мне близок и родственен, что я поразилась точности метафоры, когда говорят: «Этот человек мне по душе».

Вот и разговор у нас поначалу пошел такой оживленный, прерывистый, радостный – как бы даже и ни о чем: так бывает, когда люди давно не виделись и им доставляет удовольствие само присутствие друг друга, само ощущение общения.

Наконец я приступила к владыке со своими проблемами: ни много ни мало – Православие и творчество. Ну, Бердяев писал, что смирение и творчество, как гений и злодейство, – две вещи несовместные. Да и меня в творчестве с духовной точки зрения настораживало то, что сам этот процесс полностью поглощает человека: когда я пишу стихи, я практически перестаю замечать мир. Но как же тогда быть с добродетелью трезвения? Стояния на страже своих страстей?

Продолжение следует

*Крупицы
мудрости*

Потворщик не церковного брака – бес блуда. А что он может дать доброго семье, если он слуга сатаны?

Оправдываясь, не обретишь прощения, но лишь покайся.

Не испив воды, не утолишь жажду. Без раскаяния и исповеди не избавишься от греха.

Достойный плод покаяния (Мф. 3, 8) подобен тому, как шел путник пространным путем, ведущим в погибель, и избрал узок путь, ведущий в жизнь вечную (Мф. 7, 12-14), и пошел им.

Еще достойный плод покаяния (Мф. 3, 8) подобен тому, как некий человек строил дом на песке, и оставил его, и начал строить дом на камне (Мф. 7, 24-27).

Воскресные и праздничные проповеди настоятеля церкви Покрова

Пресвятой Богородицы г. Тирасполь архимандрита Василия

(Карпова) доступны для прослушивания и скачивания на сайте храма

<http://pokrovka-tiras.narod.ru/>

Еженедельное издание церкви Покрова Пресвятой Богородицы г. Тирасполь. Главный редактор – настоятель храма архимандрит Василий (Карпов). Наш адрес: 3300, Молдова, г. Тирасполь, ул. Кутузова, 201. Тел. (+373 533) 2-46-97.

Набор и верстка – на оборудовании редакции. Отпечатано в полиграфическом предприятии ООО «Теслайн» по адресу: г. Тирасполь, ул. Фурманова, 1. Объем – 1 печатный лист. Тираж – 120 экз.

Уважаемые читатели! Просим вас не использовать газету в бытовых и хозяйственных нуждах! Да благословит вас Господь!